

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА

В.И. Павлов. АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ, ФИЛОСОФСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИЙ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

© 2022 г. И. Л. Честнов

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

E-mail: ichestnov@gmail.com

Поступила в редакцию 17.12.2021 г.

Аннотация. В представленной рецензии излагается содержание монографии белорусского правоведа В.И. Павлова «Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования». Дается оценка основным научным результатам исследования, характеризуется ее значение для развития современной общетеоретической юриспруденции.

Ключевые слова: антропология права, субъект права, правовой человек, рецепция права, византийское право, западная правовая традиция.

Цитирование: Честнов И.Л. Новое исследование по антропологии права В.И. Павлова. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования // Государство и право. 2022. № 7. С. 184–187.

DOI: 10.31857/S102694520021003-4

NEW RESEARCH ON ANTHROPOLOGY OF LAW

V.I. Pavlov. ANTHROPOLOGY OF LAW IN THE CONTEXT OF LEGAL, PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS TRADITIONS: THE HISTORY OF FORMATION

© 2022 I. L. Chestnov

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*

E-mail: ichestnov@gmail.com

Received 17.12.2021

Abstract. The presented review sets out the content of the monograph of the Belarusian jurist V.I. Pavlov “Anthropology of Law in the context of legal, philosophical and religious traditions: the history of formation”. An assessment of the main scientific results of the study is given, its significance for the development of modern general theoretical jurisprudence is characterized.

Key words: Anthropology of Law, subject of law, legal person, reception of law, Byzantine law, Western legal tradition.

For citation: Chestnov, I.L. (2022). New research on the Anthropology of Law V.I. Pavlov. Anthropology of Law in the context of legal, philosophical and religious traditions: history of formation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 184–187.

В наше время цифровых технологий и виртуальной медиареальности (по терминологии известного специалиста в этой сфере — философа В.А. Савчука) размывается граница между значимым и несерьезным, важным и проходным, конъюнктурным. Информационный шум, выражающийся в том числе в вале научных публикаций (количество информации сегодня растет обратно пропорционально способности человека ее воспринимать, а тем более интерпретировать), значительно усложняет проведение различия между работами интересными, содержательными и банальными, пустопорожними. Как справедливо отмечает Ю.А. Веденев, масса публикуемых работ по теории права с претенциозными и многообещающими названиями содержит зачастую «весьма тривиальное содержание и юридическую схоластику»¹. Он пишет: «Унылая картина массового производства и оборота учебной юридической литературы, повторяющей когда-то аксиоматичные для своего времени правоположения, не прекращается, несмотря на титанические усилия отдельных юридических школ и их представителей выйти из тени этатистско-легалистского наследия»².

Новое исследование по антропологии права белорусского теоретика права В.И. Павлова³, несомненно, относится к числу тех работ, которые проходными не являются. Можно сказать, данная публикация — достаточно значимое и знаковое событие в современной теории права, в которой, следует констатировать, в последнее время происходит не так много интересного.

Вадим Иванович Павлов привлек мое внимание 10 лет назад громким заявлением о «смерти субъекта права». В статье «“Смерть” субъекта права, или К вопросу о необходимости разработки новой концепции “правового человека”» им справедливо утверждается, что «прежний классический концепт “субъект права” должен быть переосмыслен и антропологизирован, а за формально-правовыми атрибутами субъектности мы должны суметь увидеть человека как такового во всей совокупности его конститутивных признаков, которые и определяют его правовое поведение в современном мире»⁴. Интересно, что многие читатели заметили только первую часть названия статьи и поспешили обвинить автора во всех смертных грехах, которые он, конечно, не совершал. Более того, продолжая идею постструктуралистов о «смерти субъекта» следует помнить, что эта метафора говорит о поглощенности человека структурой и, как это ни парадоксально (впрочем, это не всегда

четко артикулируется постструктуралистами), о необходимости эмансипации индивида, наполнение его «плотью и кровью», творческим потенциалом по конструированию и воспроизводству правовой реальности.

Интерес к проблематике субъекта права естественным образом трансформировался у В.И. Павлова в более широкое исследование человека в праве и вылился в разработку оригинальной авторской концепции постклассической синергической антропологии права. Антропология права, как представляется, — это не только изучение иных культур методом включенного наблюдения, но отличающийся от классического, традиционного (формально-догматического) подход или иной способ изложения (описания) права, правовой реальности. С такой позицией, насколько можно судить по его публикациям, согласен В.И. Павлов. По его утверждению, «проблема человека является одной из важнейших в современном правоведении, и от ее решения во многом зависит, каким путем будут развиваться национальные правовые школы и формироваться национальные правовые порядки» (с. 541). «В антропологии права как направлении развития фундаментальной юриспруденции, — пишет В.И. Павлов, — ставится цель познания форм присутствия человека в правовой реальности с последующей концептуализацией данных форм в общетеоретических понятиях и категориях, а также в праве в целом как человекомерном явлении» (с. 29). Поэтому не случайно в *разд. 2* рецензируемой монографии дана характеристика антропологии права как современного направления фундаментальной юриспруденции, описана методология антропологической концепции права, рассмотрено значение исторического (генеалогического) метода в антрополого-правовых исследованиях. Такой метод, в чем проявляется оригинальность авторского подхода, состоит в генеалогическом исследовании догматических понятий и конструкций общеправовой теории (с. 34–36), а также в исторической рефлексии развития самого антрополого-правового учения, скрупулезно представленного в *разд. 3*, демонстрирующем незаурядные философские знания автора. Эти исходные положения конкретизируются в *разд. 4* реконструкцией возникновения понятия «субъект права», анализом истории понятия личности в праве. Антропологическое понятие природы или сущности человека, утверждает В.И. Павлов, «дает возможность отразить экзистенциальную ситуацию человека и изначально ввести нравственную составляющую в правовую действительность. Понятие же личности человека и связанное с ним понятие гномической воли дают понимание способов взаимного расположения природы и личности человека, имеющего неизменный ценностный характер. Концепция двух личностей — личности идеальной как заданности и личности эмпирической как данности, — во-первых, задает критерий и цель правового регулирования общественных отношений, указывая на совершенную личность как на своего рода правовой антропологический эталон; во-вторых, утверждает правовую ценность каждого человека как обладающего уникальностью, достоинством, свободой и другими личностными характеристиками независимо от их актуализации. При таком подходе человек и его потенциальная личность сами по себе не рассматриваются в качестве правового идеала, однако каждый человек независимо от степени актуализации его личностных свойств обеспечивается правовой защитой в рамках концепции о личном достоинстве и правах человека» (с. 165, 166). Несомненно, данное рассуждение заслуживает особого внимания.

¹ Веденев Ю.А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм. М., 2022. С. 216.

² Там же. С. 251.

³ См.: Павлов В.И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования. М.: Юрлитинформ, 2021. — 560 с.

⁴ Павлов В.И. «Смерть» субъекта права, или К вопросу о необходимости новой концепции «правового человека» // Философия права. 2010. № 3. С. 24. В рецензируемой монографии В.И. Павлов пишет: «Постмодернистский проект “смерти субъекта” следует рассматривать не как отказ от человека как такового, но как отказ от человека, рассматриваемого лишь в оптике субъектно-рационализованного представления. Такая критика новоевропейской модели субъекта открывает новые возможности для понимания человека в гуманитарных дискурсах» (см.: Павлов В.И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования. С. 13) (далее ссылки на эту работу в основном тексте приводятся в круглых скобках).

В этом же разделе намечены направления использования сформулированной антрополого-правовой концепции личности для совершенствования национальной правовой системы и определения приоритетов конституционного развития, показано практическое значение предложенных антрополого-правовых разработок.

Значительная часть рецензируемой монографии посвящена истории развития континентальной юридической догматики в контексте западной христианской традиции (*разд. 5*). В этом разделе, в частности, показана трансформация догматической юриспруденции XIX столетия в позитивистскую общую теорию права. Наибольший интерес для историков права представляет содержание *разд. 6*, посвященного византийской правовой системе и ее истории, в том числе рецепции в русской правовой традиции. Нельзя не отметить замечательный анализ правовой системы Великого Княжества Литовского (с. 380–541). Материал, представленный в этой части монографии, существенно развивает историко-правовую науку России, Беларуси, Украины и Литвы.

Исторический анализ позволяет автору прийти к следующему важному выводу: «история развития антропологического дискурса в его западном изводе привела в эпоху Нового времени к формированию модели человека субъектно-рационального типа, и именно этой модели человека сегодня сложно что-то противопоставить разнобразным антигуманистическим вызовам, исходящим прежде всего из технологической сферы. В монографии на примере развития правовых институтов и правовых идей не раз демонстрировалось, что новоевропейская антрополого-правовая модель, несмотря на ее определенные преимущества, вследствие особых условий ее формирования недостаточно фундирована некоторыми значимыми антропологическими характеристиками, главной из которых является ценностная, нравственная составляющая человеческого существования. Анализируя развитие антропологической мысли, а также процесс эволюции правовых систем в контексте рецепции римского права, моей целью было продемонстрировать, что формирующиеся в историческом времени правовые традиции и нравственные основания правопорядков очень важны в качестве параметров функционирования права не только прошлого, но и настоящего. Как это ни парадоксально, но средневековые правовые традиции и средневековое право, переходящие в право эпохи Модерна, несмотря на линии исторических разрывов, во многом определяют и продолжают задавать траектории развития национальных правопорядков. Это связано с так называемыми антрополого-чувствительными составляющими права, то есть с определенным образом или моделью правового человека, правовым сознанием, правовым мышлением, правовой культурой, правовой аксиологией того или иного народа, которые транслируются и передаются сквозь века» (с. 541, 542). В связи с этим возникает вопрос: является ли модель рационального субъекта права, сложившаяся в позднем средневековье (в том числе благодаря «Папской революции», по терминологии О. Розеншток-Хюсси и Г. Бермана, появлению университетского образования, трансформации картины мира «с небес на землю», как писал Ж. Ле Гофф), универсальной? Не приводит ли признание существования многообразия культур к новому представлению о субъекте права или правовой личности?

На эти непростые вопросы В.И. Павлов дает свой ответ. «В качестве одной из методологических альтернатив формирования антрополого-правового дискурса в монографии я предложил рассмотреть опыт византийской антропологии и византийской правовой традиции, которые сегодня пока

слабо исследованы правоведами. Несмотря на то что в середине XV столетия эта цивилизация прекратила свое существование, ее опыт весьма ценен для нас по многим причинам. В рамках византийской правовой традиции решались сложнейшие задачи, связанные с сохранением баланса в таких проблемных диадах, как «традиция – модернизация», а также «ценность – инновация». Так, в первые столетия существования Византии решалась задача трансформации классического римского права в условиях христианского государства, но с сохранением двух сосуществующих систем правового регулирования – канонической и общегражданской, светской. Законодательство Юстиниана на протяжении тысячи лет всегда рассматривалось как основа византийской правовой системы, однако общеправовые принципы византийского права были модернизированы под влиянием христианства. В XII в. византийским интеллектуалам пришлось решать новую сложнейшую задачу, связанную с осмыслением появившегося на Западе схоластического типа мышления и рационализированного аристотелизма, которые стали основой западноевропейской средневековой юриспруденции. Реакцию на новые тенденции в познании византийцы иногда называют «догоняющей модернизацией», но я бы назвал это архао- или аксиомодернизацией. Аксиомодернизация – это движение в историческом времени, основанное на ответе на вызов инноваций с сохранением в движении вперед традиционных ценностных оснований» (с. 543). Полагаю, что такое представление истории Византии значительно изменяет традиционный взгляд на историю западной традиции права. В правовой традиции Византии, замечает В.И. Павлов, «рационалистическая парадигма не стала доминирующей, как это произошло в Западной Европе под влиянием римо-католицизма, однако в то же время рационалистический подход не был и отброшен византийскими правоведами. Впрочем, неизвестно, по какому пути пошло бы формирование византийской правовой традиции при реакции на картезианство и появление новоевропейских правовых воззрений, ведь в основе византийской культуры лежало опытное представление о сознании и самости человека, и мы не знаем, как был бы воспринят новый образ человека-ratio» (с. 543).

Подводя итог своему исследованию и «перекидывая мостик» в постсовременность, В.И. Павлов замечает, что «все антропологические проекты в той или иной степени, в том числе и в правоведении, могут быть сведены к одной из двух условных групп: а) либо это субъектно-эссенциальные направления, которые, по сути, основаны на рационалистической, близкой нормативной парадигме, и преимущественно только с ней связывают развитие антропологических представлений в праве; б) либо это личностные, человекомерно ориентированные модели, которые рассматривают рационализм в балансе с нравственной составляющей и делают акцент на ценностном приоритете антропологического развития, даже если это не соответствует мировым трендам и ведет к имиджевым потерям. Конечно, современные тенденции гуманитарного развития находятся на стороне субъектно-эссенциальной антропологии, поскольку они практически полностью определяются развитием информационно-коммуникационных технологий. С помощью процесса цифровизации субъектно-эссенциальный подход может приблизиться к полной формализации человеческого присутствия в реальности и в правовой реальности как таковой, что напрямую связано с риском предельной трансформации либо даже исчезновения нравственности, ценности и человеческой свободы в их традиционном понимании. Поэтому техническая формализация радикально ставит вопрос не

только о понимании человеческой свободы, но и о человеческом существовании как таковом» (с. 544).

Полностью соглашаясь с основными положениями и выводами фундаментального исследования теории антропологии права и ее истории, замечу, что замечательный фактологический материал можно усилить в последующих изысканиях автора (в том, что таковые последуют, не сомневаемся) более подробным анализом юридической картины мира, свойственной соответствующим правовым культурам или традициям и процессу правовой социализации. Эти два аспекта взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Картина мира как господствующие социальные представления, вырабатываемые властью (в широком смысле этого слова, включая представителей основных референтных групп данного социума), интериоризируется в правовую идеологию, теоретические, профессиональные обыденные юридические картины мира⁵: образы, оценки, чувства, навыки, умения в правовой сфере. Этот процесс интериоризации и составляет содержание правовой социализации, обеспечивающей воспроизводство правовой системы общества. Полагаю, что это важная и интересная проблема — тема для новых антрополого-правовых исследований.

* * *

Завершу обзор монографии В.И. Павлова «Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования» поздравлением автора и читателей (уверен, что научное сообщество по достоинству ее оценит) с выходом замечательной работы, достойной «медленного чтения», вдумчивого размышления над сложнейшими проблемами человекомерности права.

Сведения об авторе

ЧЕСТНОВ Илья Львович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; 191104 г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 44

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веденеев Ю.А.* Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм. М., 2022. С. 216, 251.
2. *Павлов В.И.* Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования. М., 2021. С. 13, 34–36, 165, 166, 380–544.
3. *Павлов В.И.* «Смерть» субъекта права, или К вопросу о необходимости новой концепции «правового человека» // *Философия права*. 2010. № 3. С. 24.
4. *Честнов И.Л.* Методологическое значение обыденной юридической картины мира // *История государства и права*. 2021. № 7. С. 77–80.

REFERENCES

1. *Vedeneev Yu. A.* Jurisprudence: phenomenon and concept. Introduction to the genealogy of the language of conceptual paradigms. M., 2022. P. 216, 251 (in Russ.).
2. *Pavlov V.I.* Anthropology of Law in the context of legal, philosophical and religious traditions: history of formation. M., 2021. P. 13, 34–36, 165, 166, 380–544 (in Russ.).
3. *Pavlov V.I.* “Death” of a legal subject, or To the question of the need for a new concept of a “legal person” // *Philosophy of Law*. 2010. No. 3. P. 24 (in Russ.).
4. *Chestnov I.L.* Methodological significance of the ordinary legal picture of the world // *History of state and law*. 2021. No. 7. P. 77–80 (in Russ.).

Authors' information

CHESTNOV Ilya L. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; 44 Liteiny ave., 191104 St. Petersburg, Russia

⁵ См. подр.: *Честнов И.Л.* Методологическое значение обыденной юридической картины мира // *История государства и права*. 2021. № 7. С. 77–80.